

Анна Липовска
СУ им. Св. Кл. Охридского

О «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» И «РУССКОМ АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ»

У Анатоля Франса есть небольшое эссе, посвященное словарям. Оно так и называется «Лексикон» [Франс 1960]. В нем отмечается, что писатель Теофиль Готье «почитал недостойным звания писателя, поэта или прозаика всякого, кто не находил бы удовольствия в чтении лексиконов и толковых словарей» [там же: 152], что для поэта Хосе-Мария де Эредия «чтение словаря Жана Нико доставляет больше развлечения, удовольствия и волнений, нежели чтение «Трех мушкетеров» [там же: 152]. А. Франс пишет, что сам он любит словари «не только за большую пользу, приносимую ими, но и за все то, что есть в них прекрасного и величественного...», потому что в них «заключена вся душа нашей родины. Подумайте, на этой тысяче... страниц убористого шрифта уместились весь гений и вся природа Франции; здесь мысли, радости, труды и горести наших предков и наши собственные...» [там же: 153]. Это в полной мере можно отнести и к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль 1882], и к «Русскому ассоциативному словарю» [РАС 1994].

О Словаре Даля (СД) написано много, а о РАС только теперь начнут писать. Мысль о том, что эти два словаря, будучи совершенно разными, имеют много общего, может показаться безосновательной, но она появилась. Следовательно, необходимо опровергнуть или привести аргументы в защиту такого мнения. Наверное, авторы РАС будут удивлены и могут не согласиться с этим, но Владимир Иванович Даль, если бы имел возможность ознакомиться с их словарем, нашел бы, как нам кажется, ответы на многие волнующие его проблемные вопросы.

Так как Словарь Даля изучался многими исследователями и существует очень много критических работ о нем, мы не будем останавливаться на его представлении. Между тем РАС нуждается в краткой презентации.

«Русский ассоциативный словарь» составлен на основе материалов массового свободного ассоциативного эксперимента. Этот словарь рассматривается его составителями «как модель речевых знаний носителей русского языка, представленных в виде ассоциативно-вербальной сети, позволяющей объяснить феномен владения языком и служащей – наряду с текстовым и системным – способом представления русского языка» [РАС 1994. Книга 1: 6]. Этот словарь отличается от других ассоциативных словарей. В нем количество словарных статей намного больше (ср.: в известных нам словарях около 200 словарных статей, а в РАС – 1277); словарная статья построена по-другому (ср.: вслед за заголовочным словом-стимулом идут реакции, расположенные в порядке убывания их частоты и по алфавиту; словарная статья снабжена несколькими цифровыми характеристиками, которые указывают на общее число полученных реакций, число разных ответов, число отказов испытуемых лиц, число единичных реакций). РАС имеет два входа

– от стимула к реакциям на этот стимул и от реакции к стимулам, вызвавшим данную реакцию.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что РАС содержит богатую информацию не только в области лексики русского языка, но и в области грамматики. Ассоциативно-вербальная сеть, являясь совокупностью отношений между словами, словоформами и их сочетаниями, вбирает в себя не только словарь, но и грамматику. При этом грамматика не отделена от лексики и существует не в виде правил, а «привязана к отдельным лексемам» [Караулов 1993, 6] и распределена по всей сети в «аналогических моделях словоформ и словосочетаний, являющихся ее единицами (узлами сети)» [Караулов 1992: 33]. В данном случае речь идет о «способе хранения грамматических знаний в памяти индивида – носителя языка» [Караулов 1993, 6]. Говорящий опирается лишь на законы ассоциации и аналогии, не нуждаясь при этом в знаниях традиционного грамматического описания.

Материалы свободных ассоциативных экспериментов, кроме данных о семантико-грамматическом уровне языковой личности, содержат также информацию о некоторых элементах когнитивного и прагматического уровней (ср. утверждение об отношениях взаимодействия и взаимопроникновения между уровнями языковой личности в [Караулов 1987: 91]). Следует особо оговорить то обстоятельство, что имеются в виду именно элементы, а не целостное представление когнитивного и прагматического уровней, так как последнее не может быть осуществлено только на материале свободных ассоциативных экспериментов.

После этих кратких и далеко не полных заметок о РАС (см. подробно об этом в [РАС 1994. Кн. 1: 5–8] и [Караулов 1994]) перейдем к своего рода сопоставлению Словаря Даля и РАС. Постараемся выявить общее в их различиях, а также различное в их общих чертах.

Как собирался материал для этих словарей?

Как для СД, так и для РАС источниками были не письменные тексты (при том что такой способ характерен для большинства словарей). В.И. Даль собирал материал, записывая примеры из живой устной речи своих современников. Он просил своих собеседников объяснять ему, что значит данное слово. А, как можно легко догадаться, испытуемые им носители русского языка не давали лексикографических толкований, а приводили множество примеров употребления определенного слова, что и помогало уточнить его значение. Другими словами, В.И. Даль проводил своеобразный ассоциативный эксперимент с носителями русского языка того времени.

Авторы РАС также проводят свободные ассоциативные эксперименты с носителями русского языка, но уже нашего времени, и они не записывают, а предлагают испытуемым лицам специально подготовленную анкету.

Некоторые могут возразить, что собирательская деятельность Даля не имеет ничего общего с ассоциативным экспериментом, и в известной степени будут правы. Но если на это посмотреть с точки зрения активирования и воссоздания определенного ассоциативного поля в сознании отдельного носителя языка (см. об этом [Караулов, Коробова 1993]), можно сказать, что Даль именно этим и занимался. Конечно, В.И. Даль вряд ли ставил перед собой такую цель, но так или иначе он собрал множество примеров и ими богато насытил все словарные статьи.

Известно, что Даль впервые в русской лексикографии употребил термин *толковый* по отношению к своему словарю. Если сопоставим толкования слов в Академическом словаре 1847 г. [СЦСРЯ 1848] и в его словаре, то можно понять, что есть существенные расхождения. Во-первых, считая «сухими и бесплодными» толкования слов в Академическом словаре, Даль «в определениях значений слов главное внимание уделяет пояснению употребления их при помощи многочисленных примеров и иллюстраций, с одной стороны, и путем привлечения наибольшего числа «синонимов» – с другой» [Канкава 1958: 93]. Во-вторых, В.И. Даль не распределяет материал в словарной статье по отдельным значениям и оттенкам значений, снимает нумерацию значений.

В этом отношении тоже намечается сходство с РАС. Разумеется, что о толковании слов в рамках РАС не может быть речи, потому что этот словарь не толковый, а ассоциативный. Но в данном случае слово представлено ассоциативным полем, а оно включает множество реакций испытуемых. В [Караулов 1993: 113] говорится о том, что содержание ассоциативной статьи целиком покрывает семантическую структуру слова-стимула, отражая так или иначе все его лексико-семантические варианты. Испытуемые Далем носители русского языка объясняли значение данного слова, приводя множество примеров употребления этого слова, не толкуя его. Это объяснимо, так как можно предположить, что в сознании рядового носителя языка значение слова выражается соединением двух слов, одним из которых является это слово. Рядовой носитель языка с трудом или совсем не может построить толкование, с трудом или совсем не может вычленить отдельные семы значения, но сравнительно легко и достаточно точно приводит одно или более сочетаний с этим словом для пояснения того, о каком его значении идет речь (см. об этом подробнее в [Липовска 1994]).

Сходство Словаря Даля и РАС наблюдается и в отношении способа расположения собранного материала. Не случайно В.И. Даль выбрал алфавитно-гнездовой метод группировки материала в словаре. В своем «Напутном слове» он обращает внимание на тот факт, что «вглядываясь в эти бесконечные столбцы слов, видишь наконец,

что с небольшою перетасовкой и за исключением малого числа речений, примешавшихся со стороны и забившихся, по азбучному праву, промеж чужой им семьи, все остальные, целыми купами, показывают очевидную семейную связь и самое близкое родство... Рассматривая эти родственные отношения ближе, мы находим, что такая связь представляет в нашем языке особый и общий закон, который дает нам неизменные правила образования слов звеньями, цепью, гроздами» [Даль 1882, Т. 1: VIII]. Даль опирался при этом на самую природу русского языка.

Составители РАС основываются также на природе языка (в данном случае русского) и распределяют собранный в ходе свободных ассоциативных экспериментов материал по ассоциативным полям, являющимся фрагментами единой ассоциативно-вербальной сети. Ю.Н. Караулов вводит понятие «ассоциативная парадигма», в состав которой он включает все лексико-семантические варианты определенного слова, а также совокупность словоформ и дериватов, представляющих это слово в ассоциативно-вербальной сети [Караулов, Коробова 1993: 8]. Наряду с этими словами в ассоциативном поле, находящем свое выражение в рамках словарной статьи, имеет место и ряд других слов. Они ассоциативно связаны с заголовочным словом (т.е. со словом-стимулом). Между стимулом и реакциями наблюдается многообразие отношений: семантических, синтаксических, деривационных, тематических, ситуативных, культурно-исторических и т.д.

Это может послужить аргументом в защиту способа расположения материалов гнездами в СД. Очень много критических замечаний направлено по поводу якобы неправильного отнесения некоторых слов и выражений в определенные гнезда. Даль распределял слова по гнездам на основании существующих живых семантических и морфологических связей между родственными словами и сознания единства между словами. Обвиняют его в чрезмерной громоздкости словарных статей, но ведь слово в нашем сознании связано со множеством других слов не только на основании семантических и морфологических связей. Даль все это прекрасно понимал и, не боясь критики, включал все слова, которые имели какое-либо отношение к заголовочному слову, в определенное гнездо.

Словарь Даля, по словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «является не только одной из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме сего, сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения мирозерцания русского народа» [Бодуэн-де-Куртенэ 1903: XI]. Словарь Даля вышел далеко за рамки понятия «толковый». Он насыщен богатой энциклопедической, профессиональной, бытовой и этнографической информацией. Он является словарем-тезаурусом. Ассоциативным тезаурусом называют и РАС. Он содержит, кроме сведений о словарном составе языка и его грамматическом строе, экстралингвистические знания, воссоздающие картину мира носителей русского языка, а также проявления языкового сознания (эмоционально-оценочные ответы, элементы национального самосознания, национальные оценки и предпочтения, юмор, игру слов и т.п.). Пользователями такого рода словаря могут быть не только лингвисты, филологи, преподаватели русского языка как родного и как иностранного, но и социологи, психологи, культурологи, философы, этнографы, писатели, переводчики и многие другие.

В предложенном материале были только намечены некоторые моменты более широкого сопоставления, которое обнаруживает ряд сходств между словарями, совершенно разными по своему характеру. Это, с одной стороны, является источником богатого материала для размышления над вопросом, почему это так, а с другой стороны – служит аргументом в пользу гипотезы, что для рядового носителя языка знание языка в его сознании существует не в виде словарных списков и грамматических описаний, а, по всей вероятности, в сложной ассоциативно-вербальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн-де-Куртенэ 1903	Бодуэн-де-Куртенэ И.А. Предисловие к 1-му выпуску // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Третье, исправленное и значительно дополненное издание. Под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1. СПб.: т-во М.О. Вольф, 1903. С. IV–XI.
Даль 1882	Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. СПб.–Москва: т-во М.О. Вольф, 1880–1882 (Санкт-Петербург). Т. 1: LXXXIV, 723 с.; Т. 2: 807 с.; Т. 3: 576 с.; Т. 4: 704 с.
Канкава 1958	Канкава М.В. В.И. Даль как лексикограф. Тбилиси: Цодна, 1958. 356 с.

- Караулов 1987 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Наука, 1987. 264 с.
- Караулов 1992 Караулов Ю.Н. Некоторые наблюдения над русским языком за рубежом // *La revue russe*, 1992, n° 3, 31–54.
- Караулов 1993 Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 1993. 330 с.
- Караулов 1994 Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Т. 1. Авторы-составители: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Москва: ИРЯ РАН, 1994. С. 191–218.
- Караулов, Коробова 1993 Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // *Вопросы языкознания*. 1993. № 5. С. 5–15.
- Липовска 1994 Липовска А. Ассоциативная сочетаемость имен прилагательных и ее лексикографическое представление (на материале русского и болгарского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: РАН, 1994. 17 с.
- РАС 1994 Русский ассоциативный словарь. Книги 1–6. Авторы-составители: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Москва: ИРЯ РАН, 1994–1998. Кн. 1. 223 с.; Кн. 2. 356 с.; Кн. 3. 210 с.; Кн. 4. 322 с.; Кн. 5. 202 с.; Кн. 6. 323 с.
- СЦСРЯ 1848 Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук, 1847. Т. 1–4. СПб., 1848. Т. 1. XXII, 415 с.; Т. 2. 471 с.; Т. 3. 589 с.; Т. 4. 487 с.
- Франс 1960 Франс А. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. Москва: ГИХЛ, 1960. 888 с.